

Русская Православная Церковь
Храм Державной иконы Божией Матери

ДЕРЖАВНЫЙ ЛИСТОК № 89

О, в колищей лености, коликом нерадении о спасении нашем все житие наше иждиваем! Кая мука, кий пламень предложит нам! Но, о Мати, данную Тебе благодатию и нас спаси.

(Канон иконе Божией Матери «Нечаянная Радость»)

Обезьяна или Бог

*Россия — духовное явление,
что всегда ставило Запад в тупик*

Недавно старый знакомый прислал очередное «доказательство» происхождения человека от обезьяны. Оно было опубликовано в интернете в виде добротной сработанной статьи, несущей миру «важнейшее научное открытие». Подобные «подарки» человечеству делались десятки раз, и это несмотря на то, что никто (в том числе и сам Дарвин) не смог ответить на вопрос о том, зачем обезьяне — существу, наилучшим образом приспособленному к жизни на нашей планете и потому не имеющему оснований для эволюции, — понадобился мозг философа. Однако снова и снова эта идея вбрасывается в общественное сознание, что побуждает задуматься над феноменом её живучести.

На наш взгляд, причина лежит далеко за пределами науки, тем более что Дарвин был, прежде всего, очень увлекающимся и впечатлительным человеком, а уже затем — учёным. Ещё в молодости его воображение поразили идеи Ж.-Б. Ламарка, К. Мальтуса и других материалистов. Тогда же в обществен-

ном сознании Англии появилась и начала бурно развиваться расовая теория, представлявшая англо-саксонскую цивилизацию наивысшей формой развития человеческого общества, а англичан — наивысшим результатом развития homo sapiens. Утверждать подобное без каких-либо доказательств даже в то время было невозможно. Проще и эффективнее всего было заявить о своей богоизбранности, но это уже было сделано евреями, к тому же говорить серьезно о какой-то (особенно христианской) религиозности англичан того времени было невозможно.

На Западе религию уже давно перестраивали, точнее — подстраивали под потребности людей, превращая её в один из социальных институтов. В результате к началу XIX века она перестала определять мировоззрение европейцев, формировать их аксиологическое и моральное сознание — этим стала заниматься наука. Она взяла от религии веру в свою непогрешимость и всемогущество, выстроила иерархию жрецов (ученых), придумала обряды (методологию), разработала догматическую систему (постулаты и принципы познания) и т.д. и т.п. Но если религия указывала путь к Богу и вела к Нему, то западная наука ничего не указывала и никуда не вела, а просто обслуживала эгоистические и гедонистические потребности людей, ориентируясь на сиюминутные прагматические цели и реальную, осязаемую выгоду. Одной из таких целей и было желание во что бы то ни стало доказать себе и всему миру свою исключительность и превосходство. Для этого создатели новой науки воспользовались сугубо религиозной «технологией»: заявили, что мир состоит только из материи, которая была, есть и будет всегда; что материя имеет свою причину сама в себе, ниоткуда не возникает и никуда не исчезает, а только меняет свои формы. Однажды случайно, безо всякой причины, сама собой из неживой природы появилась живая. Она так же — без причины и сама собой — изменялась до тех пор, пока не появилась обезьяна, которая зачем-то стала человеком. Причём, та обезьяна, от которой произошли англичане, по своей природе и породе была лучше всех остальных обезьян.

Поскольку ни одну из этих фантазий нельзя было доказать, то в них предлагалось просто верить. И эта вера оказалась очень привлекательной, потому что отвечала наличному духовному состоянию людей и их желаниям. Во-первых, она освобождала от необходимости постоянного упорного духовного труда, к которому призывало христианство: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). Во-вторых, перекладывала ответственность за интеллектуальное, нравственное и эстетическое состояние человека на некие «законы природы»: «не мы такие — жизнь такая», «так природа захотела, почему — не наше дело» и т.д. В-третьих, отрицала бессмертие человека и тем освобождала его от страха перед будущим воздаянием за преступления, совершённые в земной жизни. И, наконец, главное: наука провозглашала человека не просто венцом творения (так говорила и религия), а творцом и владыкой мира, то есть богом.

Эта вера вот уже более двенадцати веков является основной религией англосаксонского человечества. Она объявляет все остальные народы в большей или меньшей степени низшими и предлагает им признать этот факт или погибнуть. В истории Европы это привело к многочисленным и многолетним войнам, в ходе которых та или другая часть «прогрессивного» человечества пыталась доказать другим его частям, что её обезьяна была лучше всех остальных. Истощив свои ресурсы в бесконечных войнах, европейцы отправились грабить Америку, Африку и Азию, цинично-наивно заявляя, что в этом-то и заключается их естественное призвание.

Главная причина происшедшего — гордыня. Характерная особенность этой страсти состоит в том, что она искажает взгляд человека на мир и порождает неадекватное объективной реальности чувство превосходства. В Европе оно впервые проявилось в античном высокомерии, искренней и наивной уверенности в том, что за пределами ойкумены живут какие-то существа, лишь внешне похожие на людей. Возникнув задолго до христианства, это чувство тлело под покровом религиозного благочестия, постепенно «прожигая» его в разных местах, пока, наконец,

в 1054 году не вырвалось наружу после того, как Восточная Церковь (Византия) отказалась подчиниться римскому первосвященнику в административно-церковном отношении.

С этого момента ничем не сдерживаемая гордыня Рима начала приобретать всё более чудовищные формы. Одной из них стал четвертый крестовый поход (1204 г.), в ходе которого крестоносцы, руководимые католическим духовенством, всей своей мощью обрушились на Константинополь, не ожидавший удара с тыла — от «братьев по вере». Они осквернили православные храмы, разграбили и сожгли город, убив всех, кто не смог спрятаться. О причине происшедшего много позже сказал архиепископ Парижский Мари Сибур, вдохновитель Крымской войны 1853–1856 годов: «Война, в которую вступила Франция с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставяемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь, <...> укротить, сокрушить её. Такова признанная цель этого нового крестового похода, и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом».

Парадоксально, но античная гордыня была намного ближе к христианскому пониманию сущности человека, чем западноевропейский гуманизм — законнорождённое дитя католицизма. Провозглашая человека высшей ценностью (Протагор), греки не отрицали богов, а жили рядом с ними, общались, враждовали, влюблялись и даже рожали детей. Эллина и в страшном сне не привиделось бы, что он произошел от обезьяны, а в Новое время об этом было заявлено громко и гордо.

Главная причина — богоотступничество. В основной массе люди всё дальше и дальше уходят от Бога (*широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими* (Мф. 7, 13–14)), потому что научились жить без Него, придумав свои «заповеди», отражающие падшую, разрушенную грехом природу человека: «на мой век хватит, а после меня — хоть

потоп», «человек человеку — волк», «трудом праведным не живёшь палат каменных», «не делай добра — зла не будет» и т.д. Людям казалось, что в эмансипации, освобождении от Бога и заключается наивысший прогресс человечества, но на самом деле они просто забыли, что происходит с ними, уже не раз происходило на земле. Достигнув довольства, сытости и комфорта, люди забывали о Боге или пытались «отменить» Его за ненадобностью: *отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих! Что Вседержитель, чтобы нам служить Ему? и что пользы прибегать к Нему?* (Иов 21, 14–15) Они забыли, как их прародители один раз уже попытались стать *как боги* (Быт. 3, 5), и это обернулось для них и всех последующих поколений большой бедой. Но Бог никогда не ограничивает свободу людей и не заставляет их любить Себя, потому что знает, чем закончится их бунт — заблудившееся человечество опять растеряет своё богатство и опять обратится к Нему. Поэтому Он смиренно и кротко ждет: *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечером с ним, и он со Мною* (Откр. 3, 20).

Пока человек с Богом, его могущество ограничивается только его верой. Но в какой-то момент человек привыкает — и к Богу, и к своей вере и забывает слова апостола: *Испытайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте* (2 Кор. 13, 5). Человек привыкает исполнять обряд, забывая о его назначении — придавать форму чему-то важному, существенному и таинственному. Смысл религиозного обряда — принесение жертвы Богу. Чем более велика эта жертва — тем больше любовь человека к Богу и тем сильнее его вера.

Жертва соединяет любящего и любимого, создавая между ними особую духовную связь, сила и прочность которой определяется ценностью жертвы для самого жертвователя и чистотой, безкорыстностью его помыслов. В жертве нет места эгоизму и гордыне, а если они появляются, то жертва немедленно превращается в «партнёрские» отношения: «я — тебе, а ты за это — мне». Жертва лишается своего значения и тогда, когда человек относится к ней только как к необходимости, предписанной

традицией, не понимает её смысла и не чувствует потребности в соединении с тем, кому он приносит жертву. Нередко в этом случае возникает иску́с отдать не самое дорогое, а нечто ненужное: «На Тебе, Боже, что нам не гоже!»

Это и произошло с Каином, который принёс Богу установленную обычаем жертву. И Бог, естественно, понял это. Он не обиделся, потому что никакой человеческий поступок не может изменить Его сущность, которая *есть любовь* (1 Ин. 4, 8). Он просто не принял жертву Каина. И жизнь продолжилась своим чередом: Авель пас стада, а Каин возделывал землю. Но Каин понял, почему Бог не принял его жертву, и знал, что теперь нужно сделать: признать свою вину и впредь никогда так не делать (покаяться). Но тогда пришлось бы изменить всю свою жизнь — удобную, приятную и комфортную и принести Богу новую жертву, отдав Ему самое дорогое. А Каину этого очень не хотелось, и потому он продолжал жить по-прежнему, хотя совершённый грех жёг его сердце, с каждым днём причиняя всё больше и больше страдания. Оно увеличивалось ещё и потому, что Каину приходилось жить рядом с людьми, сохранившими верность Богу. Каждый день он видел перед собой Авеля, который, зная о происшедшем, ни словом не упрекнул брата и лишь кротко скорбел о нём. Само ежедневное присутствие рядом с собой смиренного праведника скоро стало невыносимо, и тогда Каин убедил себя, что страдает именно из-за брата и что если бы его не было, то не было бы и страдания. И убил брата, и сразу же совершил новое преступление, опять отказавшись от покаяния, когда на вопрос Бога об Авеле ответил: *Разве я сторож брату моему?* (Быт. 4:9).

С тех пор цивилизация каинитов разделилась на тех немногих, кто искренно любит Бога и живёт по Его воле, и тех, кто, полагаясь исключительно на себя, пытается выстраивать с Ним договорные отношения. Пропасть между человеком и Богом постоянно расширяется, и хотя люди научились жить без Бога, память о совершённом преступлении живёт в их сердцах и является источником страдания, от которого они пытаются избавиться, придумав разнообразные способы насыщения своих

естественных и неестественных потребностей. Но это не дало им ни спокойствия, ни удовлетворения, скорее наоборот — неясное, иррациональное чувство тревоги, «духовный голод», «тоска по чему-то утраченному» (Достоевский) терзают их сердце и заставляют страдать всё больше и больше.

Рядом с собой на протяжении столетий они видят странный народ, для которого все достижения цивилизации не имеют особого значения — он может ими пользоваться, а может легко обойтись и без них. В какой-то момент они догадались, что у этого народа есть нечто, что выше всех земных благ и «прогрессов» — исконная, первоначальная вера во Христа Спасителя и Его Пречистую Матерь. Они вспомнили, что когда-то тоже владели этим сокровищем, а затем растеряли его, поддавшись на диаволовы искушения (Мф. 4, 3–10) и свернув с пути, указанного Христом.

Христианские богословы называли диавола «обезьяной Бога» — в том смысле, что он подражает Ему так же, как обезьяна — человеку. Это сравнение возникло задолго до гипотезы Дарвина, но странным образом раскрывает её сокровенный смысл. Тварь не может быть выше Творца, поэтому диавол никогда не может стать Богом. В отличие от него, человек может стать подобным Ему, если пойдёт за Христом, сказавшим: *Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня* (Ин. 14, 6). Но если человек отвращается от Бога и не хочет становиться подобным Ему, он неизбежно обращается к диаволу, потому что в духовном мире нет «серой зоны», а есть только Свет и тьма. Но если диавол уподобился обезьяне, сам не зная того, то современный человек делает это вполне добровольно и сознательно, не понимая при этом, что опускает себя ниже диавола, становясь его слугой. Достоевский гениально сказал об этом словами «Великого инквизитора», обращёнными к тому, кого он принял за Христа: «И я ли скрою от тебя тайну нашу? Может быть, ты именно хочешь услышать её из уст моих, слушай же: мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с ним, уже восемь веков». Напомним, что события в главе происходят в XVI веке.

Память о совершённом предательстве стала источником нескончаемого страдания, и тогда Запад пошел путём Каина — попытался уничтожить Россию, сохранившую верность Христу. Век за веком он насылал на неё полчища «своих озлобленных сынов» (Пушкин), дважды захватывал её столицу, а однажды даже посадил в ней своего царя. Но Запад никогда не понимал и не поймёт, что Россия — не географическое, экономическое или политическое, а, прежде всего, духовное явление, и потому её нельзя уничтожить, физически захватив столицу или даже всю территорию, как это было сделано в 1917 году.

Не стоит земля без праведников, и пока русские люди сохраняют верность Богу, Россия будет стоять непоколебимо. Но нужно постоянно помнить грозное библейское предупреждение о том, что и у праведности есть мера: Авраам не нашёл в Содоме и Гоморре и десяти праведников (Быт. 18, 32), и теперь эти города покоятся на дне Мёртвого моря. Такая же судьба ждёт и Россию, если мы допустим ослабление, а тем более — разрушение нашей веры. И не надо перекладывать свою вину на кого-то другого: США, масонов, тайное мировое правительство, инопланетян и т.д. Наши враги не сильнее, чем прежде, это мы становимся слабее, когда забываем, что христианин — это не тот, кто ходит на богослужения, ставит свечи и подаёт записки, а тот, кто живёт по воле Христа, открытой в Его заповедях. А для этого ничего особого делать не надо, надо только возлюбить Бога и ближнего своего — всё остальное сделает Господь.

Олег Иванович Сыромятников,
профессор Пермского государственного университета,
кандидат филологических наук.

